

Елена Тебнёва

Тяжело в учении

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

И какая девушка не мечтает о принце на белом коне... Вот лично я не мечтаю! Нет, на коня я бы еще согласилась, а вот принцы мне и даром не нужны. Ну почему если ты царица, то тебе прямая дорога замуж? А меня кто-то спрашивал? Не хочу! Не желаю! Правда, альтернатива тоже не радует — учеба на факультете некромантии. Удружили батюшка так удружили: с одной стороны — муж, с другой — зомби, вампиры, упыри... и наставник, который порой намного страшнее всей нежити, вместе взятой. Ну что же... Тут даже выбирать нечего! Тяжело в учении? И пусть! Главное — свобода! Да и скучать точно не придется. Особенно если подвернется шанс раскрыть давнюю тайну, напрямую касающуюся прошлого и будущего, причем не только моего.

Елена Тебнёва
ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ

Глава 1

КУДА ДЕВАЮТ НЕУГОДНЫХ ДЕТЕЙ?

Была бы сила, а ум приложим!

Директор Школы теоретической и практической магии

Бывают дни, когда приходится всерьез задумываться о своем месте в мире. Так или иначе, но необходимость сия настигает каждого, и ни спрятаться, ни увильнуть не получится...

Меня она настигла в довольно-таки юном возрасте, и в силу малого жизненного опыта я никак не могла решить: а уместно ли младшей дочери царя-батюшки, взгромоздившись на шаткую стремянку и прильнув ухом к тонкой перегородке, подслушивать важную беседу государственных мужей?

По всему выходило — нет. Но именно сейчас мое место в мире ограничивалось крошечным чуланом, ветхой стремянкой и... В конце концов, нечего было запирать меня в комнате с такими тонкими стенами! Лично я не знаю никого, кто бы удержался и не подслушал увлекательную беседу, в которой его имя склоняется гораздо чаще, чем того требует необходимость.

За стенкой обсуждали меня. Точнее — мое вопиюще непозволительное для младшей царевны поведение.

Мне не привыкать быть крайней. И кого волнует, что подпиленные ножки стульев в обеденном зале — дело рук шептунных близнецов, моих младших сводных братцев, и что я не имею к этому ни малейшего отношения? Да и, признаться честно, некая доля моей вины в случившемся есть, ибо, застав мальчишек за недостойным царевичей делом, я только усмехнулась и прошла мимо. Но! Я даже представить не могла, что жертвами их шутки станут не надоевшие до кислой оскомины «невесты» нашего старшего брата — дочери боярские, в тот день им на обед приглашенные, а... Я знать не знала — впрочем, как и наследный царевич (за близнецов не ручаюсь), — что к батюшке в этот день посольство державы соседней прибудет! Голодное. Да.

Счастье еще, что у послов оказалось неплохое чувство юмора, а не то, разразись межгосударственный скандал, моим «местом в мире» был бы не маленький, сухой да пыльный чулан, а просторная, сырая да вонючая камера в мрачных подземельях государственной тюрьмы. Я — не близнецы, виртуозно умеющие переложить свою вину на чужие, чаще всего мои, плечи. И уж тем более не Светолика. Меня бы никто не пожалел. Это старшая сестрица у папеньки в любимицах ходит: ей бы и рухнувших на пол послов, и подожженный дворцовый флигель, и покрашенного в разноцветные полосы братцева белоснежного коня, и недовыдерганную бороду на редкость склочного и противного царского советника простили бы не задумываясь.

А я... За жеребца, приобретшего индивидуальность и загадочность, целый месяц жила в шкуру конюха, вычищая и лошадей, и их стойла, подкопченный флигель стал вехой на пути к близкому знакомству с почетной, но трудной профессией маляра, а недощипанная борода вредного советника явилась ключом к великой тайне, что книги — источник не только ограниченных числом страниц знаний, но и неисчислимого количества

пыли. Причем виноватой я была лишь в последнем случае.

Интересно, что мне будет за послов? Надеюсь, батюшка все же понимает, что столяр из меня вряд ли получится.

— Должен заметить, поведение младшей царевны становится все большей проблемой, — уныло провещал хрипловатый голос.

Чародей наш домашний. Неплохой мужик, кстати. Батюшка разлюбезный Всеслав Градимирович до сих пор не знает, что на прошлой седмице я поспособствовала разгрому колдовской лаборатории, преследуя благородную цель — не дать неутомным близнецам разрушить ее до основания. Ну ладно, ладно, возможно, цель моя была не столько благородной, сколько эгоистической, ибо я ничуть не сомневалась, кого именно обвинят в очередном погроме.

— Может, замуж ее выдать? — неуверенно предложил блеющий фальцет.

Папенькин с-советник, павлин недощипанный...

От ужаса я едва не свалилась со стремянки.

Куда меня выдать?!

Не хочу! Довольно и того, что нынешней весной туда с песнями и плясками проводили мою старшую сестрицу, до сего знаменательного события бывшую нормальной девушкой, а после превратившуюся в почтенную и до отвращения занудную особу, готовую посвятить жизнь не в меру шустрому муженьку-дипломату.

— Ей всего шестнадцать! — искренне возмутился папенька. — Не пущу!

Я судорожно выдохнула, чувствуя, как медленно отпускает сжавшая сердце паника. Пронесло, кажется...

— До ее восемнадцатилетия мы попросту не доживем! — возопил советник.

Зря я тогда ему бороду оставила, ох зря-а-а... Этот бес языкатый уж коли чего возжелает, то всенепременно того добьется!

От волнения я невольно подалась вперед; коварная стремянка же заплясала и просела...

Никогда не думала, что межкомнатные перегородки такие тонкие!

— Что я говорил?! — коршуном взвился визгливый голос присыпанного крошечком советника, пока все нещадно чихали и протирали запорошенные глаза, а я пыталась понять, осталась ли в моем теле хоть одна целая косточка. Хм, магия и в самом деле опасная штука, я ведь удержаться хотела, а не стену рушить... — И это, чтоб мне всю оставшуюся жизнь гадом чешуйчатым ползать, еще цветоч... ш-ш-ш-с-с-с...

Батюшка перестал кашлять и совершенно не по-царски открыл рот. Бояре, впрочем, тут же последовали его примеру, проявляя редкостное единодушие. Я мрачно шмыгала носом, сидя на полу среди обломков рухнувшей перегородки и с брезгливым интересом поглядывая на ворох одежды, где копошился мелкий безобидный ужик со смешно выпученными глазами, не напоминающими змеиные даже отдаленно.

Слово не воробей. Гадом так гадом.

— Нет уж, Всеслав Градимирович, никакого «замуж»! — первым пришел в себя придворный чародей. — Талант нашей царевны просто вопиет о том, что его нужно развивать! Или на крайний случай контролировать...

— Пусть утешится, — странным, каким-то деревянным тоном проскрипел папенька, словно надломленная ветка на морозном ветру, — ибо я самолично займусь решением сего вопроса... Завтра же!

Завтра наступило быстро и решительно, мгновенно превратившись в сегодня, в котором у меня, еще вчера имеющей дом и какую-никакую, но семью, не осталось ничего, кроме паршивого настроения и увесистой сумки через плечо. В оной находились немногочисленные вещи и завернутые в чистую холстину пироги — дорожный перекус. Да-да, меня вежливо и непреклонно выставили вон, и теперь я переминалась с ноги на ногу во дворе, рядом с закрытой каретой, запряженной тройкой быстроногих лошадей. Вид глухих, лишенных каких-либо опознавательных знаков дворец и плотных штор на окнах оптимизма не внушал.

Вариантов было много. От тюрьмы до монастыря. И ни один из них не прельщал.

«Сбегу!» — мрачно решила я, рассеянно созерцая провожающую делегацию — папеньку и придворного чародея, с плеча которого тряпочкой свешивался ужик с грустными человеческими глазами. То есть тряпочкой висел он лишь до того, как увидел меня; после чего у мелкого гада появилась новая цель жизни — искушать повинную во всех его бедах девицу. Он столь забавно извивался, шипел и демонстрировал раздвоенный язычок, что я не сдержала улыбки. Кажется, ужик не знал, что совершенно не ядовит. И вообще, ему ли на меня шипеть?! Я, между прочим, честно предложила попробовать его расколдовать, но ужик столь проворно заполз в какую-то щель, коими изобиловал замок, что сложно было не заподозрить его в нежелании становиться человеком. Может, я осуществила его самую заветную мечту, которую он тогда столь эмоционально высказал?

Церемония прощания не затянулась. Смущаясь и хмурясь, папенька выдал несколько рубленых фраз (подобные я слыхала от него же в адрес наших отбывающих с официальным визитом послов), сунул мне в руки плотный конверт, строго-настрого повелев открыть его лишь по прибытии, неловко и осторожно, словно ожидая подвоха, обнял меня, после чего почти впихнул в темное нутро кареты, самолично захлопнул дверцу и приказал кучеру трогать.

Дорога была... длинной и скучной, наверное. Не знаю, потому как спала. Из запертой кареты не сбежишь, особенно на полном ходу, а силы мне еще понадобятся.

Когда меня наконец-то выпустили на волю, утро сменил вечер, а дворец — добротные ворота, за которыми...

Мать моя не знаю кто!.. Да пусть меня заживо сожрут бесы, если это не знаменитая на все сопредельные царства-государства Школа теоретической и практической магии!..

Я нервно сглотнула, покосилась на невозмутимого кучера, забрала из кареты свои пожитки и вздохнула, поражаясь скорости, с коей скрылся с глаз долой экипаж.

Ну ладно, пора и папенькин наказ зачитать.

По всему выходило, что теперь в моей жизни поменялось не только место... но и статус (ведь царские дочери во дворцах обучаются), и имя, и... абсолютно все, откровенно говоря.

«Учти, дочь моя, вылетишь из школы — в тот же день замуж выдам!» — крупными буквами приписал в конце письма любезный батюшка, и я тут же, не сходя с места, дала себе страшную клятву, что наизнанку вывернусь, если нужно будет, но доползу до выпускных экзаменов!

Глава 2

ЧУДЕСА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

*Хоть вид она имела бледный и несчастный,
В душе, однако, хищницей была опасной...*

Неизвестный менестрель

Просторная комната. Узкие окна, забранные витражным стеклом. Черный пол с серебристым узором, подобным невесомой паутинке. Светлые стены, к которым хочется прикоснуться — кончики пальцев так и чешутся. Ровный мягкий свет — совсем как днем, а ведь вокруг ни единой свечи, ни одного магфонарика... Добротные столы, вместительные шкафы, забитые книгами...

Одним словом, преподавательская.

Я плохо запомнила дорогу сюда. Оглушенная переживаниями, следовала за бодрым сухоньким старичком, открывшим ворота Школы в ответ на робкий стук. Вернее, не сами ворота, а маленькую дверцу рядом с ними. Дальше был укутанный сумерками двор, лестница, коридоры, повороты, снова лестница и коридоры... Голова шла кругом, во рту пересохло от волнения, вспотевшие ладони судорожно сжимали ремень сумки, а сердце выплясывало на ребрах безумный танец.

Было страшно.

Чего именно боялась — наверное, не смогла бы объяснить даже себе. Возможно, дело в том, что неизвестность всегда страшит. А может, пугало то, что меня попросту не примут. Кто знает, какие у них критерии отбора студентов? Магией со мной никто не занимался, а несколько простых фокусов я выучила сама, раскопав в недрах домашней библиотеки книги, посвященные чародейскому искусству. Но поверхностных знаний вряд ли хватит, чтобы поступить...

Эти мысли вылетели из головы, едва я шагнула в распахнувшуюся передо мной дверь преподавательской. Зато их с успехом заменили другие, не менее тревожные.

Я стояла посреди комнаты, нервно кусая губы, и с подозрением смотрела на троих магов, неспешно изучающих мои бумаги. Ну, чего им не нравится? Не поддельные же, в конце концов... А что сведения не совсем верные — это мелочи, недостойные внимания. По крайней мере, я думала именно так, переживая, что сейчас мне вполне могут указать на дверь — и прощай, жизнь вольная, прекрасная и непознанная...

Хотя чего это я?! Домой в любом случае не вернусь. Мир большой, а я — маленькая, затеряться нетрудно.

— Ну что же, дитя, — кашлянул высокий представительный маг с забранными в недлинный хвост темно-русыми волосами и короткой бородкой, откладывая в сторону документы. Его каре-зеленые глаза, блестящие и живые, окруженные сеточкой морщинок, смотрели доброжелательно и одновременно испытующе. — Позволь представиться, я — директор сего учебного заведения, мастер Остромысл. Талант у тебя, чувствую, есть... Но есть ли желание развивать его? Учти, это трудная, монотонная работа, требующая самодисциплины и недюжинного терпения...

Тьма!..

Под внимательным взглядом чародея я смущенно переступила с ноги на ногу, величайшим усилием воли поборов желание потереть зачесавшийся кончик носа. Терпения мне было не занимать, а вот с самодисциплиной не сложилось... Но, с другой стороны, в Школе как раз и приобретают новые знания и навыки, а самодисциплина — качество все-таки не столько врожденное, сколько вырабатываемое ценой определенных усилий. Учитывая же сложившуюся ситуацию и данную самой себе клятву, я готова была выложиться полностью, но овладеть всеми качествами, коими только должен владеть настоящий чародей. А потому я подняла на ждущих ответа магов честные глаза и выдохнула:

— Есть!

— Замечательно! — одобрительно кивнул Остромысл. Сидящая рядом с ним закутанная в большой цветастый платок женщина неопределенного возраста радушно улыбнулась, рассеянно поправив выбившуюся из аккуратной уложенной прически прядку каштановых волос и как бы невзначай продемонстрировав маникюр впечатляющей длины и крепкости. — В таком случае — добро пожаловать в Школу, дитя! Мастер Добрав, скажите, куда следует направить нашу новую студентку?

Из-за стола поднялся крупный черноволосый мужчина, похожий на медведя. Он обошел меня по широкой дуге, прищелкнул пальцами, пробормотал пару загадочных фраз и, сверкнув черными глазищами, развернулся к своим коллегам.

— Классическая некромантка! — торжественно заклеил «медведь».

Это я-то?! Да у меня от «классической некромантки» только не менее классическая бледность, а в остальном... Синие глаза. Добрые. Иногда. Очень редко — но все же! И, главное, волосы. Длинные, прямые... снежно-белые. В большей степени именно из-за них я и не походила на жрицу некромантии. Да. Скорее я походила на ее жертву. Как, впрочем, и стоявший рядом с окном молодой мужчина, не принимавший участия в обсуждении: бледный, растрепанный, с глубокими синими тенями, залегшими под покрасневшими — явно от усталости либо кропотливой работы — глазами. У него был такой вид, словно его недавно подняли из уютной могилки.

— Что ж, раз вы говорите... стоит поработать именно в этом направлении, — подумав, не шибко уверенно произнес директор и, кинув лукавый взгляд на мужчину у окна, повелел: — Познакомьтесь с новой студенткой, коллега!

Помянутый чародей нервно дернулся, и я поняла, что он просто-напросто дремал с открытыми глазами. Интересные у них тут преподаватели... А потом в голове мелькнула довольно-таки забавная мысль. Если меня обозвали некроманткой, значит, «зомби» — вовсе не зомби, а некромант?! Ну, если брать во внимание, по какому именно критерию здесь определяется классичность образа...

— Добро пожаловать, — буркнул разбуженный и явно этим недовольный мастер, бросив на меня странный взгляд, все еще блуждающий в долине сновидений.

Никакой он не некромант, вздохнула про себя я. Не бывает таких некромантов — молодых, заспанных и вялых, не бывает — и точка!

Зато года через четыре будет. Если я, конечно, доживу до выпускного, что представлялось весьма сомнительным...

— Дитя, подожди в коридоре, — мягко попросил Остромысл, и я с облегчением потянула на себя тяжелую дверь и выскользнула за порог.

Столь пристальное и притом доброжелательное внимание мне было в диковинку;

обычно, когда я достаивалась подобной чести во дворце, момент портили крики, обвинения и причитания на тему «Что ж это такое растёт на наши головы?!».

— Некромантия? — услышала я удивлённый голос Остромысла, закрывая за собой дверь, и решила чуть-чуть задержаться, дабы... да, завязать шнурок. — Добрав, но ты уверен...

— Ты сомневаешься в моих способностях? — прошелестел черноглазый чародей, и его интонации столь живо напомнили мне шипение одного знакомого ужа, что я, вздрогнув, поспешила ретироваться как можно дальше от преподавательской.

Бесы с ним, со шнурком, жизнь-то всяко дороже!

Глава 3

КНИЖНЫЙ

«Я от мастера ушел, от директора ушел!» — напевал студент, опрометчиво позабыв о книжном...

Из школьной страшилки

Широкий коридор тонул в мягких сумерках. Рассмотреть что-либо было невозможно, и я, напрочь позабыв про наказ Остромысла дожидаться его, шла, слегка касаясь кончиками пальцев гладкой, приятно теплой стены. Интересно, что за камень диковинный? Во дворце всегда, даже летом, холодно, сыро и пахнет плесенью, и дотрагиваться до тамошних стен совершенно не хочется; здесь же... Я остановилась, не сумев побороть искушения, прижалась щекой к стене. Да, здесь — уютно. И камень похож на бархатистую шерстку пушистого зверька, доверчиво прильнувшего к ладони... Послышалось басовитое мурлыканье, и я поспешно отскочила от стены, оглядываясь.

Было по-прежнему темно и тихо. Недоверчиво покачав головой, осторожно приложила ладонь к стене, которая отозвалась низким, едва ощутимым гудением. Сомнений не осталось — мурлыкала она. Стена. Отдернув руку, я глупо хихикнула и пошла дальше, постаравшись до поры выкинуть из головы мысли, грозящие свести с ума.

Нужно привыкать. Все-таки я нахожусь не где-нибудь, а в Школе, в стенах которой выросло не одно поколение магов; неужели я полагала, что это место будет таким же простым, обыденным и скучным, как и родной, изученный вдоль и поперек дворец?

Нет, не полагала. Времени на это, как и на то, чтобы обстоятельно подумать над сложившейся ситуацией, не было.

И в ближайшем будущем, судя по всему, не будет, ибо за первым же углом меня поджидало нечто совершенно невообразимое.

Она возникла посреди коридора, таинственно мерцая в не менее таинственных сумерках, почти осязаемых, почти... живых.

Дверь. Без косяков, без стен, без... что там еще полагается порядочным дверям?

Я моргнула, потерла глаза.

Дверь не исчезла, призывно сияя позолоченными финтифлюшками, в изобилии украшающими деревянное полотно, и табличкой, на коей слегка шевелящиеся словно от дуновения ветерка буквы складывались в забавную надпись: «Хранилище мудрости».

Не так уж давно мудрость представлялась мне вполне конкретным образом, а именно — согбенным, убеленным сединами старцем со всепонимающим добрым взглядом подслеповатых глаз. И сейчас пакостное воображение живо представило комнату, битком набитую старцами, красиво перевязанными ленточками и снабженными деревянными инвентарными номерками...

Ущипнув себя за руку, дабы отогнать навязчивое видение и заодно убедиться, что дверь и не думает никуда пропадать, я нерешительно постучалась. А что еще оставалось делать? Назад возвращаться не хотелось, вперед не пройти, а созерцать парящую в воздухе дверь и дальше было выше моих душевных сил, и без того подточенных насыщенным событиями днем.

Дверь приветственно скрипнула, отворяясь, и я, отчаянно зажмурившись, шагнула за порог...

— Да твоих же бесов да Тьмой поперек хребтов!..

— А нечего с закрытыми глазами шариться, все вам, забавникам пустоголовым, потеха! Мой возмущенный вопль и недовольный скрипучий голосок слились в одно целое.

— Кто здесь?! — подозрительно осведомилась я, выбираясь из-под книжных завалов.

То-то дверь столь охотно открылась, и мне ли, счастливой обладательнице младших пакостников-братцев, не знать, чем подобное радушие обычно заканчивается?!

Впрочем, здешний обитатель имел на сей счет иное мнение.

— Призрак твоей совести, — огрызнулся тот же ворчливый голос. — Ты осторожнее, осторожнее! Свитки не помни, ох ты ж, принесло же на мою голову!..

А вот это уже знакомо! Недобро прищурившись, я быстренько выбралась из книжной куча-малы, намереваясь поговорить «за жизнь», да так и застыла с открытым ртом.

После полумрака коридора в Хранилище мудрости казалось необыкновенно светло. Никаких скрюченных жизненным опытом старцев здесь конечно же не было. Зато были бесчисленные полки, заставленные книгами — большими и маленькими, толстыми и тонкими, простыми бумажными и имевшими дорогой прочный переплет... Даже во дворцовой библиотеке, по праву считавшейся самой большой и богатой, я не видела столь безумного количества книг. У меня зарябило в глазах, а руки затряслись — от жадности, потому что я представила, сколько всего можно почерпнуть из этой невероятной сокровищницы знаний.

Но у всякой сокровищницы есть сторожевой дракон. Эта исключением не стала...

Он стоял на низеньком, украшенном резьбой столе, уперев руки в бока, и гневно сверкал огромными глазами. Крохотный, в ярко-синем забавном костюмчике, с буйной шевелюрой цвета сумасшедшего заката, он весьма походил на дракона — «ласковым» взглядом и разъяренным сопением, и даже отсутствие валящего из ноздрей дыма ничуть не портило впечатления.

— Ты кто?! — выдохнула я, удивленно взирая на существо. Даже про книги забыла, потому как раньше мне не доводилось видеть ничего подобного.

— Книжный я, — сварливо отозвалось оно, зыря на меня из-под растрепанных волос, больше всего похожих на небрежно связанный сноп.

— Кто? — озадачилась я.

— Про домовых, неуч, слыхала? — недружелюбно спросил книжный.

— Угу, — не очень уверенно кивнула я, решив не заострять внимания на «неуче».

— Отчего их так прозвали, знаешь?

— Ну... в доме они живут, — буркнула я.

— Ото ж! — высокомерно заявило существо. — А я среди книг обитаю... Оттого и книжным зовусь.

Я покивала. С умным видом, конечно. Который, Впрочем, совершенно не впечатлил книжного. Он фыркнул и махнул крохотной, испачканной чернилами ручкой. Послышался залихватский свист; я, повинувшись выработанному за шестнадцать лет жизни чутью, резко пригнулась, и над моей макушкой пронесся огромный фолиант. Размахивая страницами на манер свихнувшейся ветряной мельницы, он подлетел к столу и чинно опустился к ногам книжного.

— Новенькая? — строго взглянул он на меня, вытаскивая прямо из воздуха остро очиненное перо длиною в собственный рост и окуная оное в появившуюся из ниоткуда чернильницу.

Я, не будучи уверена, что смогу вымолвить хотя бы словечко, лишь кивнула.

— Так и запишем, — степенно проговорил книжный, и под его суровым взглядом страницы летающей книги послушно зашелестели.

— Лови, — хмыкнул книжный, уставившись на меня. Я неосознанно протянула вперед руки — и ойкнула, едва не рухнув под тяжестью материализовавшихся книг.

— Это что? — пропыхла я, стараясь удержать на весу шаткую конструкцию.

— Книги, — подозрительно ласковым голосом провещал книжный. — Или ты даже этого не знаешь?

Я решила промолчать. Как утверждал один из домашних учителей, обучавший близнецов, этот нехитрый прием помогает умнее выглядеть.

— Итак, — рыжий коротышка вновь устремил взор в книгу, — имя, фамилия, курс, специализация, поручитель!

— Виорика Ар'Лейт, первый курс, некромантия, — раздался над моим ухом звучный голос Остромысла. — Запиши под мою ответственность, Звинич. А ты, дитя, ступай за мной, покажу, где ты будешь жить.

Директор легко перехватил у меня тяжкий груз знаний и шагнул к порогу, мгновенно растворившись в едва заметном сиянии. Я помедлила, оглянувшись на книжного Звинича, что-то аккуратно выводящего в смирно лежащей перед ним книге.

— Пинок для ускорения нужен, студентка? — добродушно осведомился тот, не отрываясь от своего занятия.

— Благодарствую, обойдусь, — буркнула я, торопливо шагая вслед за Остромыслом.

Немного позже, пытаясь освоиться в Школе и постичь царящие здесь нравы и обычаи, я узнала, что таинственная Дверь является школьной легендой — и кошмаром отдельных личностей. От хранящей мудрость Двери еще никто не уходил: ни нуждающийся в новых знаниях, ни задолжавший книги, ни студент, ни преподаватель. Дверь, аки справедливое возмездие богов, настигала всех и каждого рано или поздно. Ее можно было повстречать на своем пути и утром, торопясь на завтрак, и ночью, едва шагнув за порог собственной (или чужой, не суть важно) комнаты. Но вовсе не чудесная Дверь страшила особо нерадивых студентов и, по слухам, некоторых мастеров, а то, что скрывалось за ней. Вернее, тот. Оно и понятно: строгий, нетерпимый к малейшим проявлениям студенческого разгильдяйства книжный вселял почти суеверный ужас в юные и не очень сердца, особенно в те, обладатели коих жаждали взять от лучших лет жизни все, исключая знания, и в те, в которых не водилось пиетета к книгам. Впрочем, последнее исправлялось быстро и надежно: всего одна встреча с Дверью и ее бессменным хранителем прививала достойное подражание уважение ко всему хотя бы отдаленно напоминающему книгу.

Мне невероятно повезло, что в тот памятный вечер по моей вине не пострадало ни одной книги, ибо иметь во врагах книжного, насколько я поняла из чужого печального опыта, то еще удовольствие.

Глава 4

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Родственников, как и коллег, не выбирают.

Проза жизни

За время, проведенное мною сначала в преподавательской, а затем в Хранилище, окончательно стемнело. На иссиня-черном небе медленно, словно нехотя, загорались крохотные звездочки, в траве пели сверчки, где-то вдалеке переругивались птицы. Пахло ночной фиалкой. Наверное, на территории Школы разбиты клумбы... Не знаю, не заметила, хотя для того, чтобы попасть в жилой корпус, пришлось идти через двор. Как пояснил Остромысл, переходы между жилым и учебным корпусами имелись, но сейчас там шел ремонт, и поэтому их — во избежание различных неприятных ситуаций, в которые весьма охотно попадали неугомонные студенты, — пришлось временно закрыть.

Директор проводил меня до холла жилого корпуса, где сдал с рук на руки вихрастому пареньку, а затем, пожелав доброй ночи, удалился. Пока белобрысый тощий мальчишка примерно моего возраста искал по пухлому, изрядно потрепанному журналу, куда меня можно поселить, я с любопытством оглядывалась.

Довольно-таки просторный холл тонул в полумраке, который не спешили рассеивать висящие под потолком слабенькие магосветильники. Напротив входа, шагах в двадцати от него, начиналась широкая лестница; слева от двери расположилась объемная кадка с весьма странным растением, чьи мясистые темно-зеленые листья казались подозрительно плотоядными, справа же стоял добротный стол с множеством ящичков и полочек. Мальчишка, сверяясь с записями в журнале, на диво быстро нашел свободную комнату и ключ от нее, легко подхватил оставленные директором книги и добродушно кивнул, приглашая следовать за ним.

Ступеньки были высокими, блестящими и скользкими, приходилось соблюдать осторожность и держаться за перила, чтобы не скатиться вниз. Но паренька это не смущало — он шагал легко, прижимая к груди книги, и еще умудрялся оглядываться, проверяя, иду ли я следом. Я шла, невесело размышляя о том, что подобное «развлечение» ждет меня каждый день... На втором этаже лестница раздваивалась. «Девочки — направо, мальчики — налево», — хохотнул провожатый, назвавшийся Алтэком, и мы пошли в женское крыло.

Второй этаж, тринадцатая комната. Хорошее число. На иное и рассчитывать было бы глупо.

Вручив мне книги и посоветовав не опаздывать завтра на занятия, Алтэк ушел, а я осталась, разглядывая самую обычную дверь, отличающуюся от других только цифрой. Благодаря Алтэку я уже знала, что жить здесь буду не одна, и это обстоятельство меня, привыкшую к одиночеству, немало тревожило. Какая она, моя соседка? Смогу ли я ужиться с ней, если даже с сестрой так и не нашла взаимопонимания?

Я вздохнула, сердито тряхнула головой, заметив, что пальцы намертво вцепились в ремень сумки. Так дело не пойдет. Не к злобному монстру в логово попала. Вряд ли она окажется страшнее девиц, денно и ночно ошивающихся во дворце.

Немного успокоившись, я собралась с духом и, открыв-таки дверь, окинула взглядом

комнату — маленькую, светлую, очень аккуратную и даже уютную, с длинным столом почти у входа, вместительным шкафом напротив стола и двумя кроватями у большого окна, спрятавшегося за весьма милыми занавесками — белыми в синий цветочек.

На одной кровати, застеленной темно-голубым покрывалом, обнаружилась моя соседка, явно не ожидавшая вторжения, девица постарше меня года на два-три. Высокая, стройная, красивая. Волосы — золотистые, длинные, густые, глаза — бирюзовые, большие, наивные. На сестрицу мою чем-то похожа, да.

Кукла куклой.

Резко выдохнув, я перешагнула через порог, буркнула нечто приветственное и решительно прошествовала к свободной кровати, больше не обращая на девицу никакого внимания. То, что мы будем жить в одной комнате, еще не значит, что мы должны общаться. Это правило я накрепко уяснила в родном доме, и скажи кто-нибудь, что я не права, — ни за что бы не поверила. К тому же... Подруг у меня никогда не было. Дочки разномастных аристократов, толпившиеся возле старшей сестрицы, меня побаивались (каюсь, однажды перегнула палку, едва не оставив без кос особо наглую девицу), а служанки не горели желанием общаться с царевной, опасаясь нагоняя.

Соседка тоже не спешила знакомиться. Она сидела на кровати с ногами, уютно закутавшись в плед, и изредка бросала на меня настороженные взгляды, которые я с успехом игнорировала. Ха, да за свою не столь длинную жизнь и не таких взглядов достаивалась! За этот сумасшедший, бесконечно долгий день я изрядно вымоталась, а потому, поспешно сбросив верхнюю одежду и забравшись под одеяло, оказавшееся неожиданно легким и теплым, немедленно провалилась в глубокий сон, и не было мне никакого дела ни до всяких девиц, ни до их непонятных взглядов. Да что там девица — пожалуй, сейчас мне не помешал бы даже василиск.

Утро выдалось прохладным. Я зябко ежилась, плотнее кутаясь в плохонький плащ, и то и дело зевала, тем не менее пытаюсь изгнать из мыслей соблазнительные воспоминания о подушке и одеяле, все еще хранивших столь желанное тепло. Несмотря на более чем спокойную ночь и глубокий сон без сновидений, я не выпалась. Совершенно. Это обстоятельство не могло прибавить оптимизма, и перспективы, еще вчера казавшиеся достаточно радужными, таковыми уже не представлялись.

Слабым утешением служило то, что в столь ранний час да еще в неудобной аудитории я была не одна, а в компании шестерки таких же невыспавшихся и угрюмых парней и девушек. Мои одноклассники. То бишь — будущие некроманты. Классические. А что? Здесь и сейчас в это вполне можно было поверить. Даже я ощущала в себе нечто зловещее и необъяснимое, подозреваю — классически некромантское. Если нас планируют будить в такую рань все четыре года обучения, у меня есть шанс стать первоклассным специалистом.

Я клацнула зубами и тоскливо вздохнула, незаметно изучая товарищей по несчастью, благо что предусмотрительно заняла место в последнем ряду.

За первым столом, вплотную примыкающим к преподавательскому, сидела моя соседка. Волосы заплетены в аккуратную косу, руки дисциплинированно сложены на столешнице, осанка ровная... на диво примерная девица. Я еле слышно фыркнула и перевела взгляд на соседний ряд, где перешептывались белобрысый Алтэк и безупречно подходящая ему по масти девушка. На мгновение она обернулась, и я удивленно вскинула брови — да они, судя по всему, брат и сестра! Точно, и черты лица одинаковые, разве что у девушки они мягче, и

волосы — светлые, кудрявые, непослушные, и смех — звонкий, задорный... Я завистливо вздохнула и поспешно отвернулась, зло ущипнув себя за локоть.

Рядом с близнецами сидел мрачный парень. Наш, буянский — высокий, широкий в плечах, светлоглазый, русые волосы перехвачены на лбу кожаным ремешком. Такого легко представить в жаркой кузне с молотом в руках и почти невозможно — в полнолуние на кладбище, чертящим ритуальную пентаграмму.

Я тихонько хмыкнула, подумав, что, видимо, не те сказки в детстве читала, и продолжила разглядывать одноклассников.

Передо мной, устроив вихрастую голову на тощей сумке, посапывал веснушчатый долговязый мальчишка, рядом с ним расположился еще один, темноволосый, в отличие от своего соседа — белокожий и аккуратно причесанный. Склонив голову набок, он, единственный из всех присутствующих, прилежно конспектировал речь мастерицы Гилэнны, той самой, что я видела вчера в преподавательской. Силен, однако... Лично я потеряла нить беседы уже на десятой минуте лекции.

Битых полтора часа мастерица вдохновенно вещала о прелестях учебы, о новых горизонтах, каковые непременно откроются нам, о дверях, которые распахнутся перед особо настойчивыми. На этом месте меня передернуло. Чего-чего, а самостоятельных дверей мне хватило.

Дальше я уже не слушала, ибо поток красноречия и желание донести до нас все прелести будущей профессии у мастерицы Гилэнны оказались поистине неиссякаемыми, а возможности моего мозга, отвечающие за осмысление и переработку новой информации, — весьма ограниченными.

Очнулась я лишь тогда, когда цепкий взгляд мастерицы почти физически впился в меня. С трудом вернувшись в реальность, я не сразу поняла, что ей нужно.

— Как вы успели заметить, ребята, у нас появилась новенькая. Виорика... э-э... — приподняла брови мастерица, выжидательно глядя на меня.

— Ар'Лейт, — подавив тяжелый вздох, сказала я. Интересно, из каких соображений царь-батюшка повелел вписать в документы фамилию моей беглой матушки?!

— Хорошо, Виорика, расскажи, из какой ты семьи, — терпеливо, словно маленькому ребенку, улыбнулась мастерица Гилэнна.

Да уж, кажется, я умудрилась выставить себя не в самом лучшем свете.

— Сирота я, — соврала я, почти не чувствуя по этому поводу никаких угрызений совести.

Да и с чего бы! Папеньке до меня, младшей дочери, не было ровным счетом никакого дела. Сытая, обутая-одетая — ну и слава богам. Обычно царского внимания моя скромная персона удостаивалась после очередной выходки. Только тогда папеньку озаряло, что у него есть я. Он даже имя мое не сразу вспоминал, а когда все-таки вспоминал, то произносил столь неуверенно, что я сразу понимала — боится, что ошибся. Но я на него, честно сказать, не в обиде. Злится-то он не на меня вовсе, а на матушку, что сбежала от законного мужа, когда я была еще совсем крохой. А меня угораздило пойти в нее и внешностью, и нравом, и магическим талантом. Потому-то и предпочитал Всеслав Градимирович как можно реже видеть меня, дабы не беречь душу. Сестрица старшая и раньше-то не особо со мной общалась, а уж после замужества и вовсе замечать перестала, близнецов окружающие люди интересовали прежде всего как объекты шуток — или же те, на кого можно свалить вину за них, а старшего брата, по моему глубочайшему убеждению, волновала исключительно его

собственная особа и то впечатление, которое она производит на разномастных девиц. Думаю, если бы кто-нибудь сказал ему, что у него есть сестры и братья, он бы очень сильно удивился и благополучно забыл об этом непримечательном факте. Сестры, а тем паче братья — не дворянские дочери, приведенные строгими отцами на веселый пир, перед ними хвост не распушишь, так какой с них прок?

Я передернула плечами, заметив сочувствующий взгляд своей соседки, и постаралась принять гордый и независимый вид. Смутившись, мастерица не рискнула больше задавать вопросы, а чуть позже наконец-то разрешила нам покинуть аудиторию.

Студенты, заметно оживившись, потянулись к выходу. Я шла позади всех, уныло думая о том, что как-то неправильно началась моя новая жизнь. Да и можно ли построить ее на лжи, будь она хоть сто раз невинной и похожей на правду?

Глава 5

МЕСТО В ПИЩЕВОЙ ЦЕПОЧКЕ

Не умеешь держать язык за зубами — учись быстро бегать.

Полезный совет

Пирожок выглядел странно. Наверное, для того, чтобы отважиться откусить от него хотя бы чуть-чуть, нужно быть очень голодным. Я была ужасно голодной, а потому, не приглядываясь к скособоченной выпечке, решила-таки позавтракать. К немалому удивлению, пирожок оказался съедобным и даже вкусным. Надо же, как сильно иногда внешний вид не соответствует содержанию! Усмехнувшись и отряхнув руки от крошек, я направилась прочь из столовой. Отведенный под нее вместительный зал с крепкими столами находился в левом крыле жилого корпуса, был покрашен в желто-оранжевый цвет и на первый взгляд производил не самое лучшее впечатление. Впрочем, пирожок сначала тоже показался весьма непривлекательным...

— В столовой была? — вывел меня из размышлений жизнерадостный голос.

Я досадливо поморщилась — задумавшись, не заметила, как оказалась перед лестничной развилкой. На подоконнике, вытянув длинные ноги, сидел Алтэк.

— Ага, — осторожно кивнула я, собираясь обойти неожиданное препятствие и скрыться в своей комнате. Неплохо бы вещи разобрать, посмотреть выданные книги, да и вообще — суета и веселый гвалт изрядно меня утомили. Но не тут-то было...

— Будь осторожна, столовая заслужила своеобразную репутацию, — доверительным шепотом предупредил однокурсник, и не думая освобождать проход. Чтобы добраться до лестницы, пришлось бы перепрыгивать через его ноги; мне с моим ростом о подобных акробатических номерах можно было забыть.

— Учту, — буркнула я, угрюмо разглядывая кончики своих сапог.

— А ты откуда? — не замечая моего дурного настроения, продолжал допытываться Алтэк.

— Из Самоцветинска, — уяснив, что так просто от общительного однокурсника отделаться не получится, вздохнула я.

— Ого! — присвистнул тот. — Из столицы, стало быть! Далековато отсюда...

— А «отсюда» — это где? — ухватила за его слова я. Если уж приходится тратить время на пустую болтовню, почему бы не извлечь из нее хоть толику пользы?

— Отсюда — это от Школы, — насмешливо хмыкнул Алтэк, но, верно оценив выражение моего лица, примирительно развел руками: — Да ладно тебе, не дуйся! Ты что, совсем ничего не знаешь?

Я отрицательно качнула головой. Все мои знания о Школе заключались в том, что она есть. Не интересовала она меня раньше, потому как я даже предположить не могла, что доведется сюда попасть. Парень же, воодушевленный появлением благодарной слушательницы, охотно восполнил этот пробел. Говорить он любил и, чего уж скрывать, умел.

Оказалось, что Школа расположена на территории Буянии, на западной границе с Кетором, но, по сути, является совершенно свободной от власти моего батюшки.

«Государство в государстве», — гордо произнес Алтэк, словно лично добился для Школы этого статуса. Высшей властью здесь являлся Остромысл, преподаватели же подбирались лично им — из наиболее талантливых и сильных чародеев. Луговье, маленький городок, выросший вокруг Школы, населяли, по мнению Алтэка, отчаянные люди, не побоявшиеся опасного соседства. Почему опасного? Так ведь здесь не только целителей да травников обучают! Хотя, если уж на то пошло, даже сии безобидные на первый взгляд студенты способны на такое... Чего уж ждать от тех же боевых магов, никогда не отличавшихся спокойным нравом, и некромантов, недалеко от них ушедших?

При этих словах я загрустила, ибо поняла, что обучение медом не покажется — лично я и от боевых магов, и от некромантов ушла так далеко, что и на самом быстром скакуне за полгода не догнать!

От невеселых дум меня отвлек шум. К нам, беспечно перепрыгивая ступеньки и не держась при этом за перила, спускалась светловолосая девушка — сестра Алтэка.

— Вот ты где, шалопай! — грозно заявила она, легко пнув братца по ногам и тем самым обеспечив себе проход. — Почему я должна тебя искать?! — И озорно улыбнулась: — Он тебя еще не заболтал? Смотри, Ала хлебом не корми — дай только языком почесать!

— Тэка, отвяжись, — беззлобно отмахнулся Алтэк. — У нас, между прочим, важный разговор!

— То-то я смотрю, что Виорика не чаёт уже, как сбежать! — звонко рассмеялась девушка, кокетливо поправляя поясик на платье. — Жду у ворот, важный ты мой!

— У Тэки ветер в голове, — закатил глаза Алтэк, едва за его сестрой закрылась дверь. — Но она хорошая.

— Не сомневаюсь, — поспешно сказала я, боясь, что тема «важного разговора» плавно перейдет на семейные отношения. Вот чего бы не хотелось! — Слушай, а сегодня еще будут занятия?

— Нет. Да это и не занятие было, так, введение новичков в курс дела... Чтобы знали, во что влипли! Занятия только послезавтра начнутся, как раз все ученики вернуться успеют... А у тебя нет расписания? — спохватился Алтэк, удивленно приподняв выгоревшие на щедром солнышке брови.

Я только вздохнула, разведя руками.

— Ясно, — протянул он. — Сходи в учебный корпус, в холле висит расписание, перепиши наше, не раз еще пригодится.

Я благодарно кивнула и, воспользовавшись уважительным поводом, сбежала от словоохотливого парня.

Дорожка, тянувшаяся от жилого корпуса к учебному, изрядно петляла, по ее сторонам были посажены цветы, яркими огоньками горящие на фоне ровно подстриженной зеленой травки. О, вот и ночная фиалка. Хрупкие побеги стелились по земле, закрывшиеся на день бутоны выглядели серыми и невзрачными, из-за обилия других цветов совершенно не бросались в глаза. Все правильно. Их время не наполненный подчас ненужной суетой день, а спокойная, таинственная ночь... Не удержавшись, я наклонилась и кончиками пальцев погладила крохотный спящий бутон, улыбаясь своим мыслям.

Поднявшись по крутым ступенькам, я вошла в холл учебного корпуса и, лавируя между группами студентов, пробралась к большому стенду. Ага, вот расписание для нашей специализации... а вот и первый курс, отлично! Я полезла во внутренний карман куртки за листком бумаги и огрызком карандаша — и едва удержалась на ногах, получив тычок в

спину.

— Грубиян! — возмущенно фыркнула я занявшему мое место высокому тощему парню с пегими волосами.

Он медленно обернулся и смерил меня удивленным взглядом, словно впервые заметив.

— Надо же, — протянул он, пихая в бок стоявшего рядом парня, пониже его ростом, зато гораздо шире в плечах. Из-за коротких темных волос, торчащих подобно колючкам, он сильно напоминал вошедшего в боевой раж ежа. — Погляди-ка, кто это тут заговорил?

— Я заговорила! — сжала кулаки я. — Незачем толкаться!

— Нас ты обязана пропускать, — нагло ухмыльнулся пегий. — Верно, Еж?

— Верно, Нарл, — кивнул его дружок, нехорошо прищурившись.

— С чего бы это? — неприязненно буркнула я, делая незаметный шаг к выходу.

— С того, что ты занимаешь более низкое место в пищевой цепочке, — охотно пояснил пегий.

— В какой еще цепочке?

Нарл коротко кивнул темноволосому, и тот послушно выдал:

— Каждый занимает свое место в пищевой цепочке. И ответ на вопрос, хищник ты или же мелкая букашка, является определяющим.

— Ясно теперь, букашка? — уничижительно посмотрел на меня Нарл.

— А вы, стало быть, хищники? — недоверчиво прищурилась я, с ужасом понимая, что нарываюсь, но, как всегда в подобных случаях, не в силах остановиться. — Надо же, а ведь больше на падальщиков похожи!

— Видал? — с деланным изумлением хохотнул Нарл. — До чего нахальная мелочь пошла. Никакого уважения к старшим и сильным!

— Старший еще не значит мудрый, а что касается силы, то она чаще всего компенсирует отсутствие ума! — выпалила я и только потом сообразила, что и кому сказала.

Тьма-а-а... И почему я немой не родилась?!

Парни соображали дольше — видимо, мои слова попали в цель. Но когда сообразили...

«Будут бить!» — поняла я уже на бегу. Ноги в очередной раз оказались умнее головы.

Да уж, находить друзей я так и не научилась, зато наживать врагов умела просто виртуозно!

Я бежала, не разбирая дороги. Вылетела из учебного корпуса, чудом не скатившись с крутой лестницы, едва не сшибла зазевавшихся студентов, мирно беседующих на ухоженной лужайке, а уж ворота, будь они закрыты, и вовсе снесла бы... Улочки-переулки Луговья петляли так, что вскоре я, запыхавшаяся и усталая, вновь оказалась на главной улице, ведущей к Школе.

Тихо ругнувшись, метнулась за угол, в темный тупичок, где жители близлежащих домов устроили склад ненужных вещей, попросту — свалку. Привалившись к стене, без сил сползла на землю, обхватила колени руками и попыталась выровнять дыхание.

Интересно, насколько эта компания стукнута на голову? Продолжают ли преследовать или же никто за мной и не гнался? Не зря говорят, что у страха глаза велики — во время панического бегства мне слышался нарастающий топот, а о том, чтобы оглянуться и проверить, и речи не шло.

Так или иначе, но в Школу возвращаться нельзя. Что-то подсказывает — новые знакомые не из тех, кто спускает с рук насмешки в свой адрес. Как пить дать у ворот карают.

Я горестно вздохнула и уткнулась лицом в колени. К прискорбию, мое место в пищевой цепочке Нарл определил совершенно точно. Да и на что еще может рассчитывать слабое, одинокое существо, не умеющее отстоять свои права кулаками?!

Я зло всхлипнула, провела ладонью по защищавшим от слез глазам. Мое обычное везение...

— Эй, ребенок, ты чего? — хрипловато раздалось прямо надо мной, и я подскочила как ужаленная.

— Уй! — зашипел кто-то. — Осторожнее нельзя?!

— Сам полез! — дрожащим от невыплаканных слез голосом выкрикнула я, разглядев в полумраке высокого белобрысого парня, со страдальческим видом потирающего челюсть.

Неплохо я его приложила собственной макушкой...

— Так чего ты здесь делаешь? — подозрительно быстро забыв про ушиб, воззрился на меня белобрысый. — Эй, да ты ведь наша!

— Я своя собственная, — шмыгнула носом я.

— Я имею в виду — из Школы, — снисходительно хмыкнул парень. — По ауре видно — Остромысл всегда так малявок метит. Первокурсница, верно?

— Верно, — буркнула я едва слышно.

— Так что, расскажешь, из-за чего слезы льешь? — задорно подмигнул белобрысый. — Хотя у вас, девчонок, чаще всего одна причина — несчастная любовь.

Это оказалось последней каплей!

— Угадал, — зло процедила я, гордо выпрямившись. — Любовь, любовь к жизни! А несчастная она потому, что некоторые личности, обделенные умом, но не силой, так и норовят нас разлучить!

Белобрысый нахмурился и с очень нехорошими интонациями спросил:

— Так это тебя Нарл со товарищи ищут?

Я промолчала, настороженно следя за парнем. Чего так вскинулся? Неужели и он из той же банды?!

— Ну и дела, — удивленно присвистнул он, беззастенчиво разглядывая меня. — Ты что, на любимую мозоль ему наступила?

— Забыла уточнить насчет любимой, — огрызнулась я.

— У Нарла они все любимые, — усмехнулся белобрысый. — Что ты ему сказала? Или сделала?

— Не твое дело, — недружелюбно прищурилась я.

— Да у тебя талант! — не обратил внимания на грубость парень. — Раньше Нарл за девчонками не охотился...

— Все когда-то бывает впервые, — раздраженно выдала я банальную истину. — И что дальше? Так и будешь стоять и пялиться? Или же выдашь своему дружку?

— Нарл мне не... — начал было парень, но тут в переулке раздался топот и послышались злые голоса.

Обреченно пискнув, я мышкой юркнула в щель между двумя деревянными ящиками и даже дышать перестала. От ужаса не сообразила, что мои метания по меньшей мере смешны — стоит только белобрысому указать, где именно я прячусь...

— Опять ты! — Услышав голос Нарла, я обреченно зажмурилась. — Не видел здесь мелкую деваху? Худющую, беловолосую?

— Не видел, — лаконично ответил парень и посоветовал таким тоном, что у меня вдвое

прибавилось мурашек: — Шел бы ты отсюда, Нарл, не дай боги, еще мое задание по твоей милости сорвется...

Громила досадливо сплюнул и, судя по быстро стихшему топоту, убрался из тупичка.

— Эй! — тихо позвал блондинистый спаситель. — Вылезай, они ушли.

Я завозила и, опасливо втянув голову в плечи, выползла из-за ящиков. Как ни странно, они действительно ушли. Боюсь только, что недалеко...

Грустно вздохнув, я нерешительно осмотрелась вокруг. Увиденное, даже с учетом сгущающихся осенних сумерек, ничуть не вдохновляло, но идея переночевать здесь нравилась мне гораздо больше, нежели перспектива попасть в лапы обозленным хулиганам.

— Ты чего? — поразился белобрысый, когда я мрачно и гордо уселась на перевернутый ящик.

— Ничего, — буркнула я, искоса глянув на него.

Сейчас, когда страх отступил, удалось разглядеть гораздо больше — худощавое лицо, длинноватый прямой нос, ямочка на подбородке, необычного разреза темные глаза. Странное сочетание, но отнюдь не отталкивающее. Парень озадаченно нахмурил темные брови, а потом понимающе хмыкнул и неожиданно протянул руку:

— Ясно, боишься. Идем, провожу.

— С чего бы это? — насторожилась я, ибо твердо усвоила, что никто и пальцем для тебя не пошевелит за простое «спасибо».

Парень тяжело вздохнул, смотря с откровенной жалостью:

— И как ты на свете-то живешь, такая недоверчивая?

— Потому и живу, что недоверчивая, — поправила я.

— Что ж, — он усмехнулся и отвесил поклон, — не смею настаивать. Спокойной ночи, ребенок. Постарайся не простудиться — наши целители всегда рады замучить неосторожно заболевшего пациента!

Я хмуро показала язык его удаляющейся спине.

На душе было мерзко. Хотелось плакать. От жалости к себе и обиды на весь мир.

Становилось все темнее и темнее. Холодало, тонкая куртка не могла согреть, но я упрямо куталась в нее, сжавшись на облюбованном ящике в маленький дрожащий комочек. Ничего, ничего, уговаривала я себя. Не в первый раз, в конце концов. Доводилось на улице спать, и ничего, до сих пор жива... Наверное, это оттого, что меня не баловали. Я всегда была сама по себе. Как сорняк, который и выбросить бы надо, да все руки не доходят...

Я всхлипнула, зло вытерла глаза рукавом и упрямо закусил губу. Не буду плакать! Не из-за чего. Подумаешь, понадеялась, что здесь все будет по-другому... С чего я вообще это взяла?! Я всегда была одиночкой, одиночкой и останусь. Да, я не доверяю людям, так ведь не без оснований! От людей ничего хорошего ждать не нужно. Иначе вряд ли бы я сидела сейчас в холодном грязном тупике, чувствуя, как постепенно замерзают промокшие в попавшейся на пути луже ноги...

Когда стемнело окончательно, я все-таки не выдержала и решила вернуться в Школу. Вряд ли эти ненормальные до сих пор бродят по улицам. Наверняка сидят в теплых комнатах, попивая горячий чай...

Обиженно шмыгнув носом, я спрыгнула с насиженного места и едва кулем не свалилась на землю. От долгого пребывания в одной позе тело занемело, и сейчас застоявшаяся кровь бодро бежала по сосудам, неприятно покалывая их. Морщась и ругаясь вполголоса, я кое-как растерла затекшие руки-ноги и медленно, кривясь при каждом шаге, побрела к Школе. Вроде

бы до полуночи еще далеко, ворота должны быть открыты. А если нет... Значит, судьба такая.

Несмотря на опасения, мне повезло. То и дело казалось, что за мной следят, но на улицах меня никто не подстерегал, а ворота и не думали закрываться. На радостях я приободрилась и, потеряв всякую осторожность, почти вприпрыжку подошла к крыльцу жилого корпуса.

Там-то меня и ждали. И, судя по просиявшей физиономии, с большим нетерпением. Дружок Нарла улыбнулся мне, как родной, и поднялся со ступеньки, неторопливо разминая руки. Я испуганно застыла, не зная, что делать — бежать или кричать. Когда подручный неприятеля подошел почти вплотную, а я решила, что не возбраняется одновременно делать и то и другое, ситуация резко изменилась. За спиной колыхнулась какая-то тень, и лицо отморозка заметно побледнело. Прощедив сквозь зубы грязное ругательство, он метнул на меня недобрый взгляд — и испарился.

Я медленно выдохнула и обернулась.

Никого не было. Лишь за углом на мгновение мелькнуло что-то светлое. Пожав плечами, я торопливо скользнула в приоткрытую дверь. Думать, что меня спасло на этот раз, не хотелось.

Глава 6

ЛАНТЭЛИЯ

Бывают люди, при встрече с которыми представление о мире переворачивается вверх тормашками...

Из размышлений философа, попавшегося разбойникам и висящего на дереве вниз головой

Завтрашний день обещал быть поистине великим. Мало того что первый учебный, так еще и волнительный для новичков, не знающих, во что умудрились впутаться...

Первое занятие по некромантии. Наглядно-ознакомительное, как загадочно значилось в вывешенном в холле расписании.

«Лион Ривенс, мастер второй ступени посвящения», — прочитала я накануне в том же расписании, в графе «преподаватель».

Воображение радостно встрепенулось и живо набросало портрет худощавого, подтянутого старикана с хищным профилем, цепким взглядом темных глаз, сверкающих из-под кустистых бровей, конечно же седых, как и длинные волосы, ниспадающие на черный балахон.

Нервно сглотнув, я поскорее срисовала расписание себе в тетрадь и присела на ближайший подоконник, размышляя о грядущем событии. Со старшим наставником, курирующим некромантов, наш курс познакомили сегодня. Мастер Милон Малик не произвел на меня впечатления, разве что своим роскошным серебристым хвостом, стянутым на затылке кожаным ремешком. Ну какой из него некромант? Эльф — он и есть эльф, как его ни назови. Молодой, циничный, непрошибаемый, правильный до кончиков ухоженных ногтей. Скучно! Так что все надежды вкупе со священным ужасом возлагались на непосредственного наставника, коий еще нам не показывался. Наверное, чтобы не пугать раньше времени. Вторая группа, существование которой стало для меня неожиданностью, тоже не видела своего мастера и точно так же строила предположения, одно страшнее и притягательнее другого.

Старшекурсники на робкие расспросы лишь снисходительно посмеивались, храня таинственное молчание. Лукавые взгляды ясно свидетельствовали, что наши муки любопытства были им хорошо знакомы.

Мимо моего подоконника прошла группа студентов, судя по вышитым на форменных куртках воронам с тремя крошечными пентаграммами под ними — некроманты, третий курс. Важные и загадочные до невозможности. Окинув парней недовольным взглядом, я вздрогнула, когда один из них задорно мне подмигнул и махнул рукой. Ах да, вчерашний белобрысый. Надо же, запомнил. Понять бы еще, хорошо это или плохо...

Я спрыгнула с подоконника и поплелась в жилой корпус, раздумывая, идти на обед или нет. Есть, конечно, хотелось — завтрак я пропустила, с другой же стороны — лишний раз ходить по коридорам совершенно не прельщало. Нарла за этот день я видела раза три и все три раза ловила такие многообещающие взгляды, что проще и безболезненнее было бы пойти и повеситься самостоятельно, не дожидаясь его помощи. И хотя он почему-то не торопился осуществить свои намерения и даже не подходил ко мне достаточно близко, в безопасности я

себя не чувствовала.

Вспомнив о кулке сухарей, запрятанном в недрах сумки, я взбодрилась и прибавила шаг, чтобы мелкий противный дождик не успел промочить одежду и выданные грозным хранителем мудрости книги, не забывая бдительно оглядываться по сторонам.

К счастью, до женского крыла я добралась без приключений.

В комнате было тепло, сухо и уютно. Соседка лежала на кровати, лениво листая какой-то журнал. Мое появление заставило ее отложить чтение и окинуть меня подозрительным взглядом. Ну да, вчера я заявилась довольно-таки поздно, да еще в весьма жалком виде... Боюсь представить, что она подумала. Впрочем, какое мне дело? Я же не лезу в ее жизнь, вот пусть и она меня не трогает.

Я сгрузила книги на кровать и зарылась в сумку в поисках сухарей. Нашла пустой кулек и загрустила. Вот что бывает, когда собираешься в ужасной спешке! Вздохнув, бросила взгляд в окно, за которым мелкий дождь превратился в проливной. Есть хотелось очень сильно, но избежать встречи с Нарлом и Ежом хотелось еще сильнее, а потому я, успокоив себя мыслью о пользе разгрузочных дней, села на кровать, перебирая выданную литературу.

Прикосновения к старым, пожелтевшим страницам успокоили, а ни с чем не сравнимый книжный аромат немного приподнял настроение. Жизнь уже не казалась столь безрадостной и серой. В конце концов, завтра начинаются занятия, а это значит, что места прежним переживаниям и прочей ерунде не останется. Труднее было смириться с отсутствием обеда, но сия проблема тоже не относилась к разряду всеобъемлющих, а потому...

— Давай пить чай! — донесся до меня робкий музыкальный голосок.

Я вздрогнула, отрываясь от своего занятия, и только сейчас заметила накрытый стол и сидящую за ним девушку. Она несмело улыбнулась и указала на две чашки, полные ароматного горячего напитка. Рядом на ярко-желтой скатерти стояли вазочка с печеньем и тарелка с намазанным вареньем хлебом.

Желудок заполошно дернулся и попытался завязаться узлом, но я решительно пресекла бунт:

— Нет, спасибо! — и вновь уткнулась в книги.

— Зачем ты так? — тихо спросила соседка, и я обнаружила, что она стоит рядом, пытаюсь поймать мой взгляд. — Ты вчера осталась без ужина, да и сегодня не завтракала... Ну же, я ведь угощаю!

В ее голосе было столько мольбы, что я подошла к столу и притянула к себе чашку с чаем. Девушка просияла и радостно улыбнулась:

— Вот и славно! Мы ведь так и не познакомились... Меня Лантэлией зовут, можно просто Лана, а тебя Виорикой, да?

— Да. Виорика... Вики, — настороженно отозвалась я, немного ошалев от такого напора.

Пытаясь запить удивление, я сделала глоток чая и обнаружила, что он весьма и весьма хорош. А уж тонкий ломоть свежего, с хрустящей корочкой, хлеба, щедро намазанный густым яблочным вареньем, и вовсе был выше всяческих похвал!

— Очень приятно! — прошептала девушка. — Мы с тобой в одной группе, здорово, правда?

Я неуверенно кивнула. Не привыкла я к такому! Дома меня замечали, если я в очередной раз делала что-нибудь не так, и столь теплое отношение незнакомой девушки воспринималось с недоверием.

— Лантэлия, — начала я, — а с чего ты решила меня угостить?

— Ну, — запнулась девушка, — как же... Ведь мы живем в одной комнате, учимся в одной группе, а значит, можем стать подругами... Разве нет? — совсем жалко закончила она, растерянно глядя на меня дивными бирюзовыми очами.

Я задумалась. Не уверена, что умею дружить... Но раз уж начинаю новую жизнь, почему бы и не попробовать?

— Да! — улыбнулась я, с наслаждением ощущая, как тепло разливается по телу.

Лантэлия улыбнулась в ответ и подлила в мою чашку ароматного чая, от которого растаяли грустные мысли и появилась надежда, что все еще в моей жизни наладится...

Разве нет?!

Глава 7

НАСТАВНИК

Столкновение мечты с реальностью чревато шишкой на лбу.

Запись на полях в тетради Виорики

— Вики, Вики, да проснись же ты! Мы на первое занятие опоздаем! — надрывно вещали над ухом.

Бо-о-оги, да я же только недавно уснула!..

Застонав, наугад отмахнулась от источника пронзительного звука. Подушкой. В ответ послышался возмущенный визг, и меня самым бесцеремонным образом стащили с кровати. За ногу.

— Лана! — протестуя охнула я, пытаюсь подняться с пола, но накрепко запутавшись в одеяле. — Ты чего?!

— Ничего! — Соседка, с которой мы чуть ли не полночи пили чай и болтали, стояла надо мной, одетая в школьную форму — брюки удобного покроя, рубаха из плотной ткани и теплая куртка, — и смотрела на меня, как древний инквизитор на проштрафившегося мага. — Ты что, решила прогуливать занятия с первого же дня? Даже не познакомившись с нашим наставником?!

— С наставником? — задумчиво протянула я, поднимаясь, и хлопнула себя ладонью по лбу: — Боги всемогущие, с наставником!

С некромантом. С тем самым таинственным чародеем, под чьим чутким руководством нам целых четыре года предстоит грызть гранит магической науки. И который вряд ли будет рад студентке, нагло опоздавшей на первую же лекцию!

Мысли безумным хороводом проносились в голове, пока я металась по комнате, сшибая углы и натягивая полученную еще вчера одежду.

— Бежим! — крикнула я Лантэлии, ожидающей у двери.

— Вик, а волосы?! — ужаснулась она.

Я недовольно мотнула головой, не глядя в зеркало, пригладила пятерней волосы и, скрутив в тугой узел разлохматившуюся косу, закрепила ее длинной шпилькой на затылке. Сойдет, какие бы взгляды ни бросала на меня Лана! Небось бывалого некроманта растрепанной студенткой не испугать — всяко не страшнее мертвяков...

На улице было свежо и мокро, но с неба больше не капало; в мелкой, но широкой луже у общежития самозабвенно плескались воробьи, чирикаая и забавно топорща перышки.

— Куда идти-то?! — запыхавшись, спросила я у Лантэлии, когда впереди замаячил учебный корпус.

— В подвал! — ответила она, ловко огибая широченную лужу, которую я не заметила.

— Тьма! — завопила я, влетев в холодную мутную воду. Темно-синие брюки мгновенно намокли практически до колен, куртку «украсили» грязные брызги, заляпав даже вышитого ворона...

— Виорика! — укоризненно крикнула с другого «берега» Лана, и я, посчитав, что терять уже нечего, не стала тратить время на обход лужи и пошла вброд.

— Замечательно, — сочувственно вздохнула Лантэлия, окинув меня оценивающим

взглядом.

— Не то слово, — мрачно отозвалась я, оставляя на чистом полу грязные следы. Одно радовало — казенные сапоги оказались на редкость качественными и не промокли.

— Боги милостивые! — присвистнул кто-то, и я обреченно вздохнула.

На лестнице, ведущей вниз, стоял давешний блондинистый красавчик и смотрел на меня такими глазами... Разозлившись, я вновь напрочь утратила инстинкт самосохранения.

— Ты же некромант, так?! — едва не прорычала я.

Лана вздрогнула и нырнула мне за спину. Парень нервно сглотнул и не очень уверенно кивнул.

— Так чего вытаращился?! Неужто нежить краше меня будет?! — оскорбленно подбоченилась я.

— Да нет, — отмер блондин, — краше тебя, мелкая, я не встречал...

Я обиделась. Не надо, ох не надо хамить девушке с самого утра!

— Вик, пойдем, а? — робко шепнула Лантэлия. — Опоздаем ведь!

— Опоздаете! — правильно истолковав мой недобрый взгляд, поспешил согласиться парень. — А мастер ой как такого не любит... Так что давай-ка отложим разговор на потом, хорошо?

— Не хорошо, — возразила я. — Мне с тобой вообще не о чем разговаривать!

— Ну это мы еще посмотрим! — усмехнулся он. — Но — позже. А теперь идемте, провожу, а то заблудитесь.

— Мы в состоянии ориентироваться в пространстве, — все еще кипяťясь, буркнула я, тем не менее следуя за блондином по крутой лестнице вниз. Сзади пыхтела Ланка, крепко держась за мой рукав.

— Не сомневаюсь, — безмятежно отозвался парень, сворачивая в узкий коридор, — только я с самого утра вас, первокурсников, по всему подвалу вылавливаю да в нужное помещение отвожу... Не фыркай ты так, я два года назад тоже плутал, пока старшекурсники не нашли!

— Сочувствую, — с достоинством проговорила я, — только не нужно всех мерить по себе!

Белобрысый пожал плечами и буквально впихнул нас с Лантэлией в низкое, угрюмое помещение, где уже стояли, прижимаясь к стенам, наши одноклассники, среди которых я заметила новенькую рыжую девицу. Затянутые в одинаковую форму, они выглядели слегка оглушенными и потерянными. Пара факелов, коптящих потолок, не разгоняла клубящийся по углам мрак. Где-то монотонно, действуя на нервы, капала вода. Посреди комнаты стоял грубо сколоченный стол, на столе лежало нечто, покрытое серым куском ткани.

— Цепей не хватает, — оценив общую картинку, заключила я.

— Каких цепей? — встрепнулся неугомонный Алтэк.

— Ну таких массивных, на стенах, чтоб узников приковывать, — охотно пояснила я.

Ланка вздрогнула и еще сильнее прижалась ко мне, как к последней защите. Алтэк весело фыркнул, Тэка закашлялась, скрывая смех. Остальные, за исключением на диво спокойного буянского богатыря, побледнели еще больше, что в полумраке помещения выглядело довольно-таки зловеще.

Нервные какие... Хотя они вряд ли пару дней жили в катакомбах дворца, банально заблудившись в них. Выбралась я тогда чудом. Кстати, за то время, пока я блуждала по мрачным подземельям, никто меня даже не хватился.

— Цепи у нас в другом зале, двумя этажами ниже, — раздался насмешливый голос. — Там отбывают наказание особо нерадивые студенты, так что советую сделать правильные выводы.

Мы дружно вздрогнули и повернули головы в сторону двери. Полумрак мешал как следует рассмотреть говорившего — видна была лишь не особо высокая фигура в плаще. Однако голос уже разочаровал — не скрипучий и желчный, как я ожидала, а молодой и звонкий, со странным мягким акцентом... Может, очередной старшекурсник?

— Прошу прощения за опоздание, господа студенты, — продолжал тем временем новоприбывший. — Позвольте представиться — мастер-некромант второй ступени посвящения, Лион Ривенс.

Преподаватель шагнул вперед, повел рукой, и в помещении моментально сделалось светлее.

Я едва сумела подавить вздох глубочайшего разочарования. Вместо ожидаемого зловещего старикана перед нами стоял измотанный, явно давным-давно забывший, что такое здоровый сон, мужчина, которого я видела в преподавательской в свой первый вечер в стенах Школы.

Глава 8

ПРОФИЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ

*Люблю тебя до отвращения,
И если вдруг я чувств лишусь,
То это просто от волненья —
А вдруг тебе я не сгожусь?!*

Из студенческого фольклора

— Рад приветствовать вас на первом профильном занятии, господа студенты, — окинув нас цепким взглядом, сухо кивнул чародей. Назвать его наставником я не могла даже мысленно, ибо любовно взращенный фантазией образ не желал сдаваться суровой реальности, отравляя восприятие и не позволяя смириться со свершившейся несправедливостью.

Какой, ну какой из него наставник?! Да он же не старше моего братца Стослава, а у того до сих пор ураганный ветер в голове гуляет! От обиды я готова была расплакаться, уже и слезы на глаза навернулись...

— Какой хорошенький! — донесся едва слышный шепот, и я мигом раздумала разводить сырость, тем паче в подвале ее и без того хватало.

Чуть повернувшись влево, я увидела рыжую девицу, восторженно глазеющую на преподавателя. Ее волосы, заплетенные во множество мелких косичек, спускались почти до пояса, из-под челки сияли подведенные фиолетовыми тенями серо-зеленые глаза, а на скрещенных на груди руках я разглядела длиннющие ногти, покрытые алым лаком с блестками.

В многочисленных красочных журналах, оставшихся во дворце после сестры и пролистанных мною от нечего делать, в один голос утверждалось, что такой образ является романтическим, модным и достойным подражания. Лично я не хотела бы встретить подобную романтическую модницу в темном коридоре, не говоря уж о том, чтобы ей подражать.

— Хорошенький, — согласно выдохнули рядом.

К моему ужасу, это была Лантэлия. А ведь ночью она показалась нормальной! Ничего я в жизни не понимаю... Ланка чувствительно пихнула меня локтем в бок, явно требуя поделиться соображениями по столь животрепещущему вопросу, как внешность некроманта, и я решила приглядеться к мастеру внимательнее.

Хорошенький? Ну не знаю... Привыкшая оценивать братцевых приятелей по критерию «догонит не догонит — побьет не побьет», я все же подозревала, что здесь нужен другой подход.

Среднего роста, не слишком широкий в плечах, с особой грацией движений и зелеными, с желтизной, глазами, мастер походил на лесного кота. Да, пожалуй, действительно красив. И опасен. Хорошо, что мы не боевые маги и у нас не предусмотрены спарринги — от таких противников даже мой порой отлучающийся в неизвестном направлении инстинкт самосохранения советовал держаться подальше.

Поймав себя на этой мысли, проглотила нервный смешок. Вот и оценила. Кажется,

девчоночьи игры пока мне не доступны.

— Может быть, вы все-таки отвлечетесь от своих безусловно важных размышлений, госпожа ученица, и обратите внимание на тему нашего занятия? — раздался голос мастера. В нем не чувствовалось и намек на насмешку, а вот на грядущие неприятности — еще как...

Я старательно покраснела и подняла на чародея виноватый взгляд. Главное — не переиграть, но в подобных делах у меня имелся весьма богатый опыт.

— Простите, — пробормотала я, растерянно хлопнув ресницами. — Больше такого не повторится.

— Надеюсь, — равнодушно пожал плечами Ривенс. — В первую очередь это нужно не мне, а вам.

Некромант подошел к столу, остановился, в задумчивости покачался с пятки на носок, обвел нас внимательным взглядом, тяжелым, как могильная плита. Я поежилась, но глаз не опустила. Еще, чего доброго, сочтет профнепригодной и отправит домой, на радость батюшке... Вздвогнув, украдкой ущипнула себя за локоть и сосредоточилась на происходящем, дабы вновь не провалиться в пучину обрывочных, вязких мыслей.

— Хорошо, господа студенты, — усмехнулся мастер, закончив буравить нас взглядом. — Посмотрим, на что вы годны...

Ладонь Ривенса опустилась на стол, задев покрывало. Оно натянулось, четче обозначая контуры лежащего под ним предмета.

— Что это? — встрял любопытный как кошка Алтэк.

Он даже подался вперед, смешно вытянув шею, а так как я стояла прямо перед ним, то вынужденно шагнула к подозрительному столу и оказалась к оному куда ближе, чем хотелось.

— С этим вам предстоит работать, — ровно ответил мастер, не обратив на наши перемещения ни малейшего внимания, и ловко сдернул покрывало.

— Тьма!.. — придушенно выдала я и шарахнулась назад. Запнулась о чью-то ногу, не удержала равновесия и ощутимо приложилась затылком к полу.

Последней была мысль о том, какой нехороший человек додумался погасить свет в комнате, на поверку оказавшейся склепом...

Я сидела на чем-то деревянном и неровном и пыталась разогнать мелькающие перед глазами разноцветные пятна. Хотя зрелище было красивым и достойным кисти лучших художников, пишущих исключительно после употребления некой настойки... Ривенс осторожно ощупывал мой затылок, и его прохладные пальцы приносили облегчение. Если бы он еще не читал нотаций, было бы вообще замечательно, но — увы и ах — он твердо решил напомнить нам все писанные и неписанные правила безопасности, не забыв особо подчеркнуть, что паника до добра еще никого не доводила. Я упрямо молчала, отстраненно любовалась на бесплатную выставку психоделических картин и делала вид, что меня здесь нет.

А мастер, однако, и в целительстве не промах! Мне стало лучше — мелькающие круги исчезли, боль, въедавшаяся в затылок, как тупой топор в сырую древесину, тоже отступила, и я, наконец-то получив возможность оглядеться, поняла, на чем именно сижу.

Со стола, занятого обмотанным саваном мертвяком, меня словно ветром сдуло.

— Впервые вижу, чтобы так быстро бегали! — восхищенно прищелкнул языком Алтэк, за спину которого я и нырнула.

— Думаю, ты можешь не хуже, — огрызнулась я, стискивая подрагивающие руки в

замок. — Главное — стимул!

— Виорика, куда же вы? — недовольно спросил Ривенс, отстукивая по столешнице нервную дробь. — Раз уж вы так рвались к экспонату — милости прошу, не смею сдерживать столь страстные порывы юных душ.

— Н-никуда я не рвалась, — запнувшись, возразила я, предусмотрительно не высываясь из-за Алтэковой спины.

— Ее душа страстно рвалась прочь от экспоната! — насмешливо хмыкнул кто-то из парней.

Юморист, Тьма все побери. Его бы туда, под бочок к экспонату... Посмотрела бы я, куда бы стала рваться его душа!

— Виорика? — не сдавался Ривенс, приглашающе похлопав по обтянутому саваном «наглядному пособию».

Шумно сглотнув, я отчаянно замотала головой.

— Госпожа ученица! — Голос мастера сделался жестким. — Будьте добры взять себя в руки, подойти ближе и ознакомиться с учебным материалом! Или вы совершили ошибку в выборе своего пути?!

А вот это весомый аргумент. Настолько весомый, что я, выбив зубами замысловатую дробь, собралась с силами и подошла к мастеру.

Ох, не все так страшно, как казалось! По крайней мере, обморок мне явно не грозит...

— Виорика, будьте столь любезны, откройте глаза! — предельно вежливо попросил Ривенс.

Ох ты ж бесья круговерть, как говаривал один знакомый домовой!

Выругавшись про себя, я разлепила веки и уставилась на костяк, обтянутый уже начавшей слезать кожей. Боги, где Ривенс откопал эту мерзость?!

— Что скажете? — тем временем полубопытствовал чародей, причем таким тоном, словно речь шла о погоде.

— Оно не первой свежести, — сглотнув, выдавила из себя я.

— Оно не колбаса, чтобы быть первой свежести, — невозмутимо парировал некромант и пристально уставился на затаивших дыхание студентов, не спешащих приблизиться к «учебному материалу». — И поверьте — вам придется столкнуться с еще более неприглядными явлениями, чем это. А пока... Не поздно одуматься и уйти.

— У нас же дар! — недовольно воскликнула Тэка, благоразумно отошедшая к противоположной стене.

— У многих есть дар, — жестко усмехнулся Ривенс. — Но не у всех есть сила и желание его использовать. В некромантии нет ничего романтического, — добавил он, бросив косой взгляд на залившуюся краской рыжую модницу. — Это кровь, смерть и боль. Тот, кто не чувствует в себе достаточной воли к обучению, кто не имеет четкой мотивации и твердого желания достичь цели — может уйти прямо сейчас. Возможно, директор найдет другое применение вашему таланту. Возможно, вам придется покинуть Школу. Но! Это гораздо лучше, чем заниматься нелюбимым или, более того, ненавистным делом. Изо дня в день. Всю жизнь.

Студенты дрогнули и, сбившись в кучку, зароптали. Я же не сводила с мастера взгляда. Даже тогда, когда он решил поиграть со мной в гляделки. Нет уж, господин чародей, я не уйду. И не мечтайте. Есть кое-что похуже крови и боли. Нежеланное замужество, например. Оно, знаете ли, тоже на всю жизнь.

За нерадостными мыслями я не сразу заметила, что в подвале стало подозрительно тихо. Одногоруппники дружно воззрились на меня, причем с таким видом, словно я только что отрастила рога и хвост. Мастер весьма странно хмыкнул и приподнял левую бровь, смотря поверх моего плеча. Я нахмурилась, но тут кто-то ободряюще погладил меня по руке. Застыв на долю мгновения, я очень медленно обернулась...

Полуистлевшее тело жизнерадостно оскалилось и вновь похлопало меня по предплечью костлявой дланью.

Никогда не думала, что умею визжать так громко. Уши заложило напрочь, ладони охватил нестерпимый жар, а перед глазами стало темным-темно, словно я опять ударилась головой.

В себя я пришла на руках у весьма озадаченного моим поведением Ривенса. Студенты пораженно молчали, пол возле стола был усыпан желтоватыми костями и чем-то еще, мерзким на вид и запах, на столешнице сиротливо лежал жутковато оскалившийся череп.

Бесья круговерть... Это что, моя работа?! Судя по остекленевшим взглядам однокурсников — так оно и есть...

— Вам удобно? — желчно поинтересовался слегка оглушенный мастер.

Тьма, а я про него уже и думать забыла! Судорожно кивнув, еще крепче вцепилась в мага. Плевать на приличия, плевать на все, но на пол не встану ни за какие коврижки!

— И слезать, как я понял, вы не собираетесь? — угадал ход моих мыслей некромант.

Я энергично затрясла головой.

— Может, вас еще в целительские покои отнести? — осведомился он.

О, а ведь это шикарная идея! Ступать на заляпанный ошметками пол не улыбалось совершенно, а судя по нехорошо сузившимся глазам мага, сейчас меня в этот пол еще и носом тыкать будут, словно нашкодившего щенка, так что... Действительно, почему бы столь сильному мужчине, как мастер Ривенс, не отнести столь хрупкую девушку, как я, в целительский покой?! Не надорвется небось...

Вспомнив, что мне и без ожившего мертвяка сегодня досталось, я слабо охнула, закатила глаза — и вполне сносно изобразила обморок, понадеявшись на благородство чародея, которое, по моим расчетам, все-таки должно было присутствовать в его душе.

Вопрос только в том, что случится раньше — триумфальное явление этого самого благородства из глубин души мастера или же мое разоблачение с неминуемыми неблагоприятными последствиями.

Но волновалась я напрасно — как выяснилось на практике, ничто человеческое не чуждо даже грозным некромантам...

Глава 9

НАКАЗАНИЕ

Дисциплина — наше всё!

Мастер Малик

А взаимовыручка — важнее!

Мастер Ривенс

Пока мастер Ривенс благородно тащил меня на руках к целителям, я умудрилась заснуть. Сказались перенесенные потрясения, ибо если шишка на затылке — явление обыденное, то радостно улыбающийся мертвяк никак не вписывался в привычную картину мира.

Зато выпалась на славу. А открыв глаза, первым делом узрела недовольную рыжую однокурсницу, лежащую на соседней койке. Как потом пояснила Ланка, романтично настроенная барышня решила повторить мой подвиг и, едва Ривенс вернулся, рухнула в его объятия. Жаль, немного не рассчитала и упала на пол. Который, к слову, никто и не думал мыть... Пришлось рыжей идти к целителям самостоятельно, ибо ссадину на предплечье и моральную травму от соприкосновения с останками мертвяка жестокий некромант не счел весомым поводом для того, чтобы нести пострадавшую на руках.

То-то она так прилежно сверлила меня неласковым взглядом! Хорошо еще, мне сразу же разрешили покинуть целительский покой, найдя мое состояние удовлетворительным и выдав мешочек пряно пахнущих трав со строгим наказом заваривать их и пить на ночь. Иначе романтично-агрессивная девица придушила бы меня подушкой. Или же голыми руками, с нее бы случилось. Можно подумать, что я всю сознательную жизнь мечтала на некроманте прокатиться! Вот чувствует мое сердце, что Ривенс не простит бесплатного представления, ой не простит... А фантазия у него, боюсь, богатая. Иначе не додумался бы притащить на первое же занятие столь натуралистичное наглядное пособие!

Тут я окончательно загрустила. Как ни крути, а испытание я провалила: от мертвяка шарахнулась, подходить отказывалась, а в заключение повела себя как последняя трусливая дура, поправ приличия вскарабкавшись на чародея, аки спятившая кошка на столб!

Выгонит. Точно выгонит. Зачем ему такая истеричка? Для создания новых проблем? Ох...

Я тихонько завывала, присев на кровать и обхватив голову руками.

— Вик, ты чего?! — испугалась Ланка, с чьей помощью я благополучно добралась до нашей комнаты. — Болит что? Я сейчас, я мигом...

— Лан, не надо! — ухватила я шуструю девицу за рукав. — Ничего у меня не болит. А от глупости лекарства, увы, не существует...

— От какой еще глупости? — нахмурилась она, присаживаясь на корточки рядом.

— Такой, — вяло отозвалась я, разглядывая аккуратно подстриженные ногти. Надо бы отрастить, как у рыжей. Какое-никакое оружие будет, хоть против живых хулиганов, хоть против... Нет, против мертвяков не годится. Я ж сама тогда помру, от разрыва сердца...

Некрома-а-антка, бесья ж круговерть!..

— Ты про то, что случилось на занятии? Зря переживаешь. Я бы так точно не смогла, а ты — смелая...

— Ты это мастеру Ривенсу скажи, — невесело улыбнулась я.

А Лана просияла, хлопнув в ладоши от переизбытка эмоций:

— А зачем ему говорить? Он и так все знает! Он тобой доволен!

— Да ну? — скептически фыркнула я. — Доволен моей истерикой и разлетевшимся на косточки мертвяком?! Или тем, что я перепутала его с деревом?!

— Это естественная реакция, — покачала головой Лана и, заметив мои округлившиеся глаза, добавила: — Я мертвяка имею в виду! Спонтанное проявление дара в ответ на непосредственную угрозу!

— Хорошенькое проявление, — хмыкнула я, невольно подумав: а что бы стало с папенькиным советником, повернись мой дар против него? Каким бы гадом он ни был, но созерцать его разбросанные по всему двору косточки я категорически не хотела. Или тот же Нарл... Тьма, да я ж опасное для общества существо! — А если бы я так на живого человека среагировала?!

— Не среагировала бы, — отмахнулась Ланка. — Некродар просыпается только в ответ на непосредственную угрозу, исходящую от некросозданий!

— Сколько умных слов, — поморщилась я. — И вообще, ты-то откуда все это знаешь?

— А Лион нам рассказал, когда от целителей вернулся, — прощбетала Лана.

— Лион? — кисло уточнила я.

— Ну да, — пожала плечами она. — А что?

— Ничего, — вздохнула я, прикрывая глаза. Перед ними возник мастер, обозленный и жаждущий объяснений, и я поняла, что не имею ни малейшего желания встречаться с ним в ближайшее время.

Торопливый стук спугнул жутковатый образ, и в приоткрытую дверь заглянула покрасневшая Тэка:

— Виорика, мастер Ривенс ждет тебя в преподавательской!

— Сегодня явно не мой день, — простонала я, рухнув на кровать и зарывшись лицом в подушку.

Это были самые кошмарные пять минут в моей жизни. Честно. К выволочкам и наказаниям я привыкла, это совсем не страшно. Когда на тебя кто-то орет, достаточно просто смотреть в одну точку и представлять, что находишься в другом месте, что все происходящее тебя ни капельки не касается, что все это лишь сон, ничего не стоящий, ничего не значащий...

Но это — когда орут. А если молчат? Да еще с таким выражением лица, что чувствуешь себя виноватой даже в том, чего никогда не совершала и не совершишь впредь? Так вот, мастер Ривенс, педагог бесов, одним лишь взглядом, не произнеся ни слова, заставил меня раскаяться во всех прошлых и будущих грехах.

— Извините, — не в силах больше терпеть, выдохнула я.

— Извинениями нервы не подлатаешь, — хмыкнул Ривенс, откинувшись на спинку стула и прищулив кошачьи глаза. Ей-ей, не вру — словно у загнавшего добычу в угол кота, один в один!

— Я... Вы... — В горле пересохло, а слова неожиданно стали колкими и сухими. — Вы меня исключите? — все-таки выговорила я, чувствуя, как неприятно сжимается сердце.

— Я еще не сошел с ума, — недовольно поморщился некромант. — Виорика, у тебя есть потенциал, главное, знать, в каком направлении работать. Разбрасываться талантами я не намерен.

— Я остаюсь в Школе? — не веря своему счастью, осторожно уточнила я.

— Да, — усмехнулся Ривенс. На этот раз — по-доброму, что немало меня озадачило.

— Но это не значит, что ты прощена. — Холодный голос старшего наставника раздался неожиданно, и я едва не подпрыгнула.

Когда мастер Малик успел войти в кабинет? Или же он уже был здесь, но я, попав под действие взгляда Ривенса, его не заметила? Так или иначе, присутствие старшего наставника стало неприятной неожиданностью. Судя по вмиг помрачневшему Ривенсу — для него вмешательство коллеги тоже было нежелательным.

— Дисциплина — основа всего. Любой проступок должен влечь за собой наказание, не так ли? — С этими словами эльф строго воззрился на Ривенса. Тот нахмурился, хотел что-то сказать, но передумал и неохотно кивнул, а я похолодела, подозревая, что ничего хорошего ждать от мастера Малика не стоит.

К сожалению, предчувствия меня не обманули.

Зловеще трещали факелы. Нудно капала вода, отмеряя мгновения жизни, бездарно потерянные в мрачном каменном мешке.

Там, наверху, на свободе, уже стемнело, распустились ночные цветы, подул свежий ветерок... И небо, должно быть, чистое, глубокое, усыпанное сияющими искорками-звездами.

А здесь... здесь наверх лучше не смотреть — психика целее будет.

Намотанная на швабру тряпка неохотно скользила по неровному каменному полу, не смывая, а размазывая остатки утреннего безобразия. Весьма дурно пахнущие, не могу не отметить! Я жмурилась и задерживала дыхание, но меня все равно мутило. А еще было страшно обидно. Уверена, такое могло случиться с каждым из первокурсников, так почему же мне назначили столь суровое наказание? Шутка ли — вычистить до блеска этот бесов подвал! Здесь, между прочим, полгода точно никто не убирал!

Да, в чем-то мастер Малик прав, но... Но ведь все произошло случайно. И Ривенс это знал. Но смолчал. Не счел нужным замолвить словечко за доставшую его за одно занятие истерику... Конечно, это было привычно. Совсем как дома... Вот только почему-то намного обиднее. Расслабилась, дурочка, разнежилась в совершенно другой атмосфере, потеряла бдительность... Теперь расхлебывай!

Разозлившись, чересчур резко окунула швабру в ведро, из-за чего оно, не устояв, покатилося по рябому полу, расплескивая грязную воду, и затормозило только перед дверью. О чью-то вовремя подставленную ногу в щеголеватом сапоге. Взгляд медленно заскользил вверх, отметив темные брюки, простую серую рубашку и удивленную физиономию. Очень, надо сказать, знакомую.

— Скажи, пожалуйста, — недобро прищурилась я, — подвалы — это твое постоянное место жительства?

— Чего ты разбушевалась? — пропустив шпильку мимо ушей и ловким пинком отбросив пустое ведро в сторону, спросил белобрысый спасатель.

— Можно подумать, что не с чего, — смутившись, пробормотала я.

— Ну и свинарник, — присвистнул парень, окинув внимательным взглядом

окружающую обстановку.

— Это и был свинарник задолго до сегодняшнего утра, — мигом ошетибилась я, нервно заправляя выбившуюся косу под платок. Не хватало еще волосами здешних пауков собирать!..

— Охотно верю, — рассеянно кивнул белобрысый, продолжая осматриваться. Поморщился, что-то шепнул — и в подвале стало намного светлее.

По стене метнулось что-то черное и крупное, и я, едва сдержав визг, дернулась в сторону, взмахнув так и не выпущенной из рук шваброй...

— Эй! — возмущенно воскликнул блондин. — Полегче!

Ну чего возмущается? Успел ведь пригнуться, а потому швабра благополучно просвистела мимо его макушки!

— Извини, — все-таки сочла нужным сказать я. — А вообще, чего ты тут забыл?

— Тебя забыл, — усмехнулся парень, бросив на меня настороженный взгляд.

— Тебя мастер Ривенс прислал? — с подозрением спросила я, опершись на швабру. — Пусть не волнуется — тут будет чисто!

— Он и не сомневается, — кивнул белобрысый и шагнул ближе.

— Ты чего это? — невольно попятилась я, сжимая орудие труда и прикидывая, получится ли переделать его в орудие самообороны.

— Ты же не откажешься от помощи? — усмехнулся он.

Я замотала головой, отрицая самую возможность подобной глупости, и, не сдержавшись, спросила:

— А что, есть специальные заклинания? Или же ритуалы?

— Есть, — серьезно кивнул парень. — Отойди-ка, мелочь, в сторонку и не мешай.

Я, благоразумно не обратив внимания на «мелочь», послушно отошла к двери и приготовилась к интересному зрелищу. Но получила совсем не то, на что рассчитывала, ибо старшекурсник, засучив рукава, щелчком материализовал ведро с водой, отобрал у меня швабру и принялся за уборку...

Когда я пришла в себя от шока, полы сверкали чистотой, а белобрысый наводил дополнительный блеск, на сей раз не без помощи заклинаний.

На улице царил поздний вечер. Я сидела на ступеньках учебного корпуса, любовалась на рассыпанные по бездонно-синему небу разноцветные звезды и полной грудью вдыхала свежий воздух, напоенный ароматами поздних цветов.

Рэмион — так звали моего белобрысого помощника — сидел рядом, тоже наслаждаясь заслуженным отдыхом. Видимо, запас шуточек, которые он травил в процессе уборки, закончился, или же он банально устал, потому что сейчас молчал, прикрыв глаза и чему-то улыбаясь.

А вот меня по-прежнему жгло любопытство, которое я все-таки не сумела обуздать.

— Почему ты помог? — искоса поглядывая на умиротворенного парня, тихо поинтересовалась я.

— Лион просил, — еще шире улыбнулся Рэмион, не открывая глаз.

— Мастер Ривенс? — не поверила я. А сердце тем временем как-то странно сжалось... Не больно, отнюдь нет. Радостно?..

— Знаешь, — задумчиво начал Рэмион, одарив-таки меня пристальным взглядом, — Лион может быть ворчливым, занудным, строгим и даже жестким, но он никогда не подставляет и не бросает в беде своих учеников, особенно наивную мелочь наподобие тебя.

От его слов и нахлынувших вслед за ними непонятных, но определенно приятных чувств я вспыхнула, благодаря в душе всех богов за то, что в темноте пылающие щеки разглядеть довольно-таки проблематично, и больше для порядка проворчала:

— Я не мелочь!

— Конечно, — легко согласился Рэмион, поднимаясь со ступенек и протягивая руку. — Идем, немелочь, а то нас в общежитие не пустят и придется всю ночь здесь куковать... Или же возвращаться в подвал!

— Ну уж нет! — ужаснулась я, к собственному удивлению решительно вцепившись в крепкую ладонь. — Хватит с нас на сегодня подвалов!

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Единственный экземпляр так и не изданной рукописи, архив Хранилища.

В романе использованы стихи автора.